

Страшная Эдда

М.В. ЕЛИФЁРОВА

Мария Елифёрова
Страшная Эдда

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Елифёрова М.

Страшная Эдда / М. Елифёрова — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Можно ли написать роман о посмертных приключениях героев скандинавского мифа? Как выглядит вечность с точки зрения язычника? Что происходит с древними богами и героями, когда земной мир всё больше удаляется от них? Загробное продолжение истории Сигурда из «Старшей Эдды» становится поводом к размышлению о дружбе, предательстве, верности, ответственности, о человеческой природе, не изменившейся за последние две тысячи лет – а также об исторической памяти и литературном творчестве. История Мёда Поэзии тесно переплетается с историей Столетней войны, Шекспира и Винни-Пуха. И надо же было, чтобы это языческое откровение явилось чудаковатому аспиранту филфака...

© Елифёрова М., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Часть 1. ПРИ СВЕТЕ МЕСЯЦА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

А бог знает, что мы в него не верим?

(Маленькая девочка – своей няне).

Светлой памяти моей одноклассницы Юли Н. (1981 – 2003),
о которой я не раз вспоминала, когда писала эту книгу.

Часть 1. ПРИ СВЕТЕ МЕСЯЦА

And I shall know him when we meet,
And we shall seat at endless feast.

A. Tennyson, In Memoriam A. H. H.¹

– Отбивался, как лев, – сказал голос позади Хёгни. Лица говорившего Хёгни не видел – тот крепко держал его за заплетённые в косы волосы, не давая ему повернуть голову.

– А что это такое – лев? – спросил рыжебородый верзила напротив, трогая пальцем лезвие ножа.

– Не знаю. Ромейцы так говорят.

– Думал в бою погибнуть. Ха! – сказал рыжий и ухватил за подбородок Хёгни. Он резко мотнул головой, пытаясь вырваться, но сзади держали его волосы мёртвой хваткой. Если бы не связанные руки, он бы показал обоим... Сейчас-то их было двое, он бы справился. Но что он мог поделаться, когда на него набросились сразу шестеро?

– Трусые! – задыхаясь, проговорил Хёгни. – Шестеро на одного!

– Смотри-ка, выступает, – удивился рыжий и как бы нехотя двинул его по зубам. Тот, за спиной, сказал недовольно:

– Чего тянешь? Давай.

Хёгни выплюнул кровь под ноги рыжему.

– И что вам со мной велели сделать? – спросил он, всей душой надеясь, что ничего постыдного вроде скармливания собакам – или ещё чего похуже – ему не предстоит.

– Что надо, – оборвал рыжий и, оттянув на Хёгни потрёпанную кожаную безрукавку, взмахом ножа располосовал её и содрал с него. Это почему-то приободрило Хёгни. Раздетый до пояса, он ощутил надежду на достойный исход. И он не ошибся. Нож рыжего глубоко вошёл в его грудь.

Боль прожгла Хёгни насквозь, что-то горячее потекло по животу – должно быть, кровь. В глазах у него помутилось, но он никогда в жизни не терял сознания. Усилием преодолев дурноту, он удержался на ногах. Почему он не умирает? И тут Хёгни сообразил, что нож воткнули не в сердце, а рядом.

Боль страха не вызывала; испугал его хруст его собственного мяса, когда лезвие ножа стало поворачиваться у него в груди. Вдруг он понял, что с ним делают. Тем лучше, подумал он. Из последних сил удерживаясь, чтобы не упасть, он поднял голову, глядя на рыжего, и рассмеялся ему в лицо.

Смех оборвался, захлебнувшись хриплым бульканьем. Из рта Хёгни хлынула кровь, окрасив светлые усы, и его обмякшее тело рухнуло на землю. Нож отлетел в сторону.

– Подержал бы хоть, – недовольно бросил рыжий, нагнувшись за ножом. Вся одежда на нём промокла от крови. Второй только засопел в ответ. У него было плоское безразличное лицо гунна с выбритым лбом без бровей. Он следил за тем, как его спутник запускает пальцы в развороченную грудь Хёгни. Помогая себе ножом, тот выдрал скользкий тёмно-красный ком и с довольным видом распрямился.

– Неслабый трофей, – ухмыльнулся он, держа в руках сердце, кровь с которого капала ему на штаны. – Атли не дурак. Вот это был боец!

Он поднёс сердце ко рту и лизнул. Гунн метнул на него возмущённый взгляд.

– Только попробуй съесть! Ты забыл? Мы должны отнести это Атли.

– Ладно, ладно, это я так, – рыжий опустил руку, – вечно ты бесишься. Пойдём.

Он запихнул мокрое сердце в сумку у пояса и вытер руки разрезанной безрукавкой Хёгни.

– Постой, а если он нам не поверит? Скажет, подмена...

– Ну, за доказательствами дело не станет, – гунн подошёл к разметавшемуся в луже крови телу. Приподняв за косу мёртвую голову Хёгни с закотившимися белыми глазами и липкой кровавой коркой на усах, он вынул из-за пояса нож и отсек ему ухо с золотой серьгой.

– Пошли, – решительно сказал он. Рыжий всё ещё медлил; бросив взгляд на раскромсанный полуголый труп – всё-таки это был его соплеменник и храбрый воин – он спросил:

– А его куда?

– Оставь тут, – отмахнулся гунн, – кому надо, подберут и сожгут.

Один был настолько не в духе после злосчастного происшествия с Сигурдом, что ушёл спать в гридницу среди дружинников. Он решительно отверг их услуги в качестве подушки и растянулся на полу, не разуваясь. Проснулся он оттого, что его мягко, но настойчиво тормошил Этельберт Брусника, медноволосый громила с веснушками на лице.

– Просыпайся, конунг! – тревожно прошептал дружинник. – Там что-то стряслось... то есть всё трясётся... В общем, пришёл Хеймдалль, и ты ему нужен.

– Брысь, – буркнул невыспавшийся бог и попытался пнуть Этельберта в ляжку. – Зубы пересчитаю... Как – Хеймдалль?

Один подскочил и сел, сбросив укрывавший его плащ. Вокруг явно творилось что-то не то. Сумрачный золотистый воздух дрожал и плыл перед глазами, из-за стен Вальгаллы доносился непонятный гул и грохот.

– Хватит спать, – сказал Хеймдалль, подступив к нему. Молодой бог застёгивал на ходу пряжку пояса. Он был заспан, льняные волосы сбились колтуном. – Мне нужен твой совет!

– Что там такое? – изумился Один, прислушиваясь к шуму снаружи. Казалось, весь Асгард трясла лихорадка.

– Старуха Хель припёрлась! Стучала, стучала, я ей не открывал, так она ногами ломиться стала.

– О норны! – Один провёл рукой по неумытому лицу, размазывая пот. – Что ей надо?

– Тебя спрашивает. Какие-то у неё там возникли затруднения.

– Тролли бы её задрали, – тоскливо сказал великий бог, вставая и подбирая плащ. Фибула никак не защёлкивалась, выскальзывая из непослушных пальцев. Кое-как закрепив на плече плащ, Один поспешил прочь из Вальгаллы, к границе миров.

Надо признаться, он несколько струхнул, очутившись нос к носу с гостьей. Даже среди богов Один не отличался высоким ростом, а Хель его макушка приходилась где-то на уровне колена. Нервно поигрывая копьём – хотя это была далеко не первая его встреча со старухой – Один сквозь зубы поинтересовался, по какому поводу она его хочет видеть.

– А по такому! – Хель шваркнула к его ногам мешок, который до тех пор держала на весу. – Забирай свою скандалистку, сладу с ней нет! Всё у меня на уши поставила!

– Эй, потише швыряйся, старая выдра! – взвизгнули в мешке. Голос показался знакомым Одину. Нагнувшись, великий ас развязал мешок.

– Брюн! – ахнул он.

Помятая Брюнхильд лежала, опираясь на локти, и угрюмо смотрела на него. Один скривился, когда мешок упал с неё – в мире Хель совершенно не заботились о качестве вместительности для душ. «То ли дело в Асгарде», – подумал Один. Брезгливо толкнув ногой то, что заменяло Брюн телесную оболочку, он поднял глаза к Хель.

– Какого тролля ты её припёрла? С чего ты взяла, что я заберу её назад?

– Заберёшь как миленький! – свирепо заявила старуха. – Пока я с тобой по-хорошему, а то гляди...

Ручьи пота заструились по лбу и груди Одина. Покусав губу, он оправил на себе плащ и, изо всех сил изображая великодушие, наклонился к Брюн.

– Ну что, Брюн, хочешь в Асгард?

– Как скажешь, конунг, – с плохо скрытым презрением прохрипела Брюн. В этом презрении было что-то располагающее. Как ни странно, поняв, что от Брюн ему не отделаться, Один ощутил долю уважения к её упрямству. Но забирать её в Асгард? С другой стороны, дружина стала задавать слишком много вопросов, куда делась их любимица... К счастью, сообразительность ему не изменила.

– Вот что, – сказал он и принял решительный вид, оперевшись на копьё. – Я охотно возьму девчонку назад, если ты отдашь мне Сигурда.

– Ага, сейчас! – возмутилась Хель. – А больше тебе ничего не надо? Сигурда закололи в постели ударом в спину, он мой по всем законам!

– Его подвигов хватит на десяток балбесов, которые пьют у меня в Вальгалле только потому, что вовремя подставились под меч! И вообще, все помеченные остриём оружия – мои, забыла?

– Это ещё кто из нас забывчив – незачем сочинять такие правила, что и сам запутался, друг сердечный.

– Горный тролль тебе друг! Мало тебе было Бальдра?

– Успокойся, Бальдра я обещала выпустить, – усмехнулась Хель. Один стиснул зубы.

– Да, когда меня в живых не будет! Вот что: или не рассчитывай, что я выполню твоё нахальное требование, или отдавай Сигурда.

Старуха пристально уставилась на великого аса сверху вниз. Её губа ехидно отползла вверх, открыв жёлтый зуб.

– Ведь он твой сынок, так?

Один не счёл нужным отвечать и промолчал.

– Вышла неожиданность с высокой тощей беляночкой? У тебя-то, Один, волосы были каштановые, пока не поседели, мне ли не помнить...

– Не твоё дело, – злобно ответил бог, держа копьё в опасной близости от её щиколотки. – Ну что, отдаёшь?

– Пёс с тобой, – сплюнула Хель, – забирай. Только чтобы этой... этой выхухоли я больше не видела!

– Значит, так, – властно заговорил Один. – Немедленно доставляешь мне Сигурда. И распакованным – мне эта грязь в Асгарде не нужна.

Он с отвращением взглянул на тело Брюн, которое и телом-то назвать было сложно.

– Ладушки, – согласилась Хель, почёсывая голову. – Ты мне ворона, что ли, одолжи...

Через мгновение – а может, и больше, кто знает, как отсчитывать время в зазоре между миров, – ворон уронил в ладонь Одину тяжёлую золотую трубочку, внутри и снаружи покрытую рунами.

– Он весь тут? – подозрительно спросил Один, разглядывая руны. – Ошибки никакой?

– Как можно! – фыркнула Хель и, пока бог, чего доброго, не вздумал расторгнуть сделку, с грохотом провалилась в щель между мирами.

Убедившись, что она исчезла, Один сунул золотую трубочку под плащ и крепко прижал её к телу. Очертания рун вдавились в пальцы и в голую грудь. Он читал их не глядя. Да, он получил то, что требовал.

Всё ещё пряча под плащом нагретую от его груди трубочку, он свистнул. Раз, другой, третий. Две валькирии выскользнули из ворот Асгарда.

– Тащите её, – велел он, указав на обессилевшую Брюн. – Придётся привести её в порядок, не пускать же её в Асгард в таком виде.

Третья валькирия, маленькая и пухлая, подлетела чуть позже. Сложив крылья, она почтительно кивнула Одину.

– Я здесь, ас.

– Вот что, Труды, – тепло сказал Один, приобняв её за плечо и понизив голос. Ему пришла на ум некая мысль, которую он намеревался осуществить. – Слетай-ка в Мидгард и кое-кого там прихвати, пока костлявая не опомнилась.

– Кого? – деловито поинтересовалась валькирия. Приятно трепеща от перспективы обставить мошенницу Хель, Один наклонился к её уху и шепнул имя.

– Сбондить, значит? – возбуждённо переспросила Труды. – Будет сделано, ас, без сомнений.

Хёгни очнулся от того, что ему было не так плохо, как он ожидал. По-другому сказать было нельзя. Он ещё не знал, умирает он или уже умер – он только подивился тому, что пришёл в сознание после всего, что с ним сделали. Или они не довершили свою работу? Он лежал обнажённый на широком ложе из тёплого, чуть шероховатого камня, на ощупь похожего на парусину. Единственное, что ему досаждало, это жгучая боль в груди, с левой стороны. Если он был ранен, то, по-видимому, не стоило подниматься – повязки на ране не было – но глаза он всё-таки разлепил.

Он увидел приглушённое золотистое сияние, похожее на летний закатный сумрак. Над ним стояла рослая девушка в белой полотняной рубахе без рукавов, подпоясанной простым ремнём. Отставив в сторону какой-то кувшин, девушка улыбнулась Хёгни.

– Проснулся? Ничего, бывает и хуже.

– Догадываюсь, – с трудом шевеля пересохшими губами, выговорил Хёгни. – Я ранен?

– Успокойся, – засмеялась девушка, – будь ты ранен, ты бы здесь не был. Ты убит.

Внутренне Хёгни был готов к этому, он, как и любой его соплеменник, ожидал этого и даже, случалось, видел во сне. Но всё-таки это известие вызвало у него потрясение.

– Так я в Асгарде? – изумлённо спросил он. Девушка кивнула.

– А ты кто?

– Хильда, – ответила она и протянула ему небольшой ковшик. – На, попей. Тебе нужно восстанавливать силы.

Хёгни хотел приподняться, но Хильда остановила его.

– Не надо. Тебе ни к чему пока видеть себя. Лучше я подержу тебе голову.

С помощью Хильды он отпил несколько глотков и не понял, что же это такое. По вкусу напиток походил на молоко, но обладал всеми свойствами крепкого мёда. И не только ими. Глотнув из ковша, Хёгни ощутил тепло, которое прошло сквозь всё его тело до кончиков пальцев. Боль в груди унялась; дышать стало легче. Хёгни вопросительно скосил глаза на Хильду.

– А, это? Молоко козы Хейдрунн, – пояснила Хильда, – ты здесь его будешь пить, сколько захочешь. Теперь лежи спокойно, не двигайся.

Девушка куда-то отошла. Хёгни повернул голову вправо и увидел, что она вынимает что-то из кузнечного горна. Удивительно было, что жар не шёл от горна, и вместо красного цвета он светился всё тем же смутно-золотистым. Стоя у наковальни с молотком и кузнечными клещами, Хильда что-то ковала, напевая себе под нос. Работа отняла у неё не так много времени. Сняв с наковальни что-то округлое и сверкающее серебром, Хильда подошла к лежащему Хёгни.

– Не бойся, – сказала она, – больно не будет.

Хёгни хотел обидеться, но почему-то не получилось. Серебряный предмет, на его глазах вынутый из кузнечного горна, оказался прохладным; он скользнул в рану на груди с такой лёгкостью, как будто она только его и ждала, хотя предмет этот был размером с кулак, не меньше. И сразу боль отпустила, как будто её и не было. Хильда ладонью растёрла грудь Хёгни и сказала:

– Теперь можешь сесть. Там уже ничего нет.

Хёгни приподнялся. Не в состоянии пересилить любопытство, он тут же опустил глаза. Грудь его была совершенно чистой, без единой царапины.

– Но ты же мне что-то запихнула в грудь, – обратился он к девушке. – Что это было?

– Нужно же было сделать тебе новое сердце, – невозмутимо ответила Хильда, ставя на огонь большой чугунный котёл.

– Серебряное?!

– А что, – через плечо бросила Хильда, ворошившая угли, – износа оно не знает, выковано на целую вечность.

Хёгни охватила тревога. Он подскочил и сел на своём каменном ложе.

– Но оно же не настоящее, – облизав губы, проговорил он. – А я с ним – настоящий?

Он вспомнил, из-за чего он попал сюда. Вся историю, от начала и до конца.

– Это серебряное сердце... оно может любить?

Хильда резко выпрямилась и вытерла руки о рубаху.

– Дураком ты был, дураком и останешься, – сказала она, – воскрешение ума не прибавляет. Любовь не в сердце, она в душе. А душа у тебя прежняя.

Хёгни почувствовал, что краснеет. Он знал, почему. Но стоило ли говорить это Хильде?

– У меня был друг там, в Мидгарде, – признался он. Хильда взглянула на него.

– Знаю. Ты его предал и убил собственными руками. Теперь ты хочешь попросить у него прощения.

– Я его увижу? – взволнованно воскликнул Хёгни. Возможно ли это? Неужели он здесь?

– Увидишь, – улыбнулась Хильда.

– Когда?!

– Не подсакивай как угорелый, – хмыкнула Хильда, – здесь никто никуда не торопится. У вас будет ещё целая вечность. А пока тебя нужно привести в порядок.

– А душа тогда где? – Хёгни задумался над вопросом, которым никогда раньше не задавался. – В печени?

– Ещё одно глупое поверье, – пожала плечами Хильда. – Если ты думаешь, что печень у тебя та же самая...

– Как?

Только теперь Хёгни, разглядывая себя, понял, что его смутно тревожило с того момента, как он приподнялся и опустил взгляд вниз. Это тело, полулежавшее на нагретом камне, было не вполне его. То есть оно походило на его тело: можно было узнать его крепкую грудь, длинные руки и даже родинку возле левого колена. Но кое-что изменилось, и существенно. Новый Хёгни был тоньше в поясе, ноги у него были стройнее, а кожа стала неправдоподобно белой и гладкой и как будто отливала золотом. При жизни в своём поселении Хёгни вовсе не считался дурно сложенным (пока не появился Сигурд). Но прежний его облик не шёл ни в какое сравнение с тем, что он увидел сейчас.

– Это же не я, – пробормотал он, ощупывая свои руки и ноги. Хильда снова засмеялась.

– Тебе что, не нравится?

– Нравится, – выпалил Хёгни, потом снова растерялся: – Так это моё тело или не моё?

– Твоё, конечно, только новое. Твоё старое тело сгорело в погребальном костре. Или ты не знаешь, что происходит с трупами?

– Знаю, – буркнул Хёгни. Мысль о том, что произошло с его прежней оболочкой, не доставила ему удовольствия. – Ну а душа? Где она у меня теперь?

– Везде и нигде, – ответила Хильда, помешивая в котле. – Объяснять это, наверное, не имеет смысла. Если ты ещё не понял, что твоё теперешнее тело – не то, что было у тебя раньше, то посмотри сюда.

Она подала ему круглое серебряное зеркало. Тут только Хёгни осознал, что ещё не видел своего лица. И оно было там. Его лицо. Безусловно его, но неузнаваемо красивое. Черты его приобрели чеканность узора на металле, обветренные щёки посветлели и разгладились, исчез рубец от ожога, полученного ещё в детстве. Глаза, ещё недавно серые, теперь сияли серебром, удваивая блеск полированного зеркала. У Хёгни всегда были плохие волосы, это был его главный изъян – тусклые и слабые, они рано поредели, и он смазывал их маслом и заплетал в косы, чтобы придать им сносный вид. Но у отражения в зеркале на голове лежал целый ворох светлых, как лён, кудрей, не заплетённых и спускавшихся на плечи. Хёгни невольно провёл рукой по голове. Зеркало его не обманывало. Он обратил внимание, что у отражения не было серёг в ушах. Он тронул пальцами мочки – они не были даже проколоты. Впрочем, он не особенно пожалел о серьгах – ведь они были сделаны из того злополучного золота, с которого всё и началось. Но что с ним произошло? Помолодел он или нет? Ему было двадцать шесть, когда он навсегда оставил Мидгард; тот, в зеркале, не выглядел мальчишкой – у него остались те же длинные усы, высокие скулы и твёрдый подбородок, но какая бритва сделала этот подбородок настолько гладким? Ему не могло быть меньше двадцати шести, это был зрелый воин, но в то же время казавшийся поразительно юным.

– Что вы со мной сделали? – спросил Хёгни, когда к нему вернулся дар речи.

– Ничего особенного. Сделали тебя таким, каким ты всегда хотел быть. Одним из воинов Одина.

– И я буду с ними в Вальгалле?

– Немного терпения, дружок. Тебе нужно искупаться.

С этими словами Хильда легко, как пёрышко, подхватила огромный котёл. Хёгни не успел поразиться её силе – он ужаснулся, увидев, что было в котле. Котёл до краёв был заполнен кипящим молоком, в котором бурлили и лопались пузыри. Не дав Хёгни времени для каких-либо размышлений, Хильда опрокинула на него котёл.

Хёгни, лихорадочно соображавший, как выказать мужество, очутился в дурацком положении. Никакой боли от ожога он не почувствовал; он ощутил лишь приятный жар и щеко-тание по всему телу, когда кипящее молоко обдало его с головы до ног. Необычайнее всего было то, что струйки молока, сбегая с него на каменное ложе, тут же испарялись, не оставляя никаких следов. Вскоре Хёгни сидел на своём месте сухой и чистый, заметно посвежевший – откуда-то вдруг нахлынула бодрость, и ему не терпелось встать и разыскать вход в Вальгаллу, разыскать Сигурда, взглянуть на него наконец, узнать, что с ним...

– Да что ты, ей-же-ей, – сердито сказала Хильда, ставя котёл на пол. – Привыкнешь, это тебе не Мидгард. Я всегда всех мою кипящим молоком, лучшее средство вернуть силы, после того как тебя убили.

Серебряным гребешком она расчесала ему спутанные волосы и усы.

– А что я надену? – Хёгни вдруг вспомнил, что на нём ничего нет. В мире богов, должно быть, носят богатые одежды, подумал он. Воображению его представился какой-то небывалый наряд, сверкающий драгоценными камнями. Хильда, похоже, прочла его мысли – он уже свыкся с тем, что она знает всё, о чём он думает.

– Твоё боевое снаряжение не будет слишком тяжёлым, – с усмешкой ответила Хильда. Она потянулась куда-то в пустоту, и в руках у неё очутилось что-то мерцающее. Девушка разложила эти предметы перед Хёгни.

Их было всего три – лёгкий плащ из неизвестной, никогда не виденной Хёгни серебряной ткани, серебрястые сапожки и перевязь с мечом, всё того же лунного цвета. Хёгни не сумел скрыть замешательства.

– Это всё?

– А больше тебе и не надо, – отозвалась Хильда. Она присела на корточки и обувала его в сапоги. – Тебе что, холодно?

– Нет, – честно ответил Хёгни. Он нисколько не мёрз – в пещере Хильды (или не пещере?) было тепло, как в разгар лета. – Но там, дома, у меня была куртка из зелёного сукна и много другой одежды...

– Она тоже сгорела в твоём погребальном костре.

– Я думал, боги одеваются лучше любого из смертных.

– Встань, – сказала Хильда и закрепила на нём перевязь с мечом. Такого лёгкого меча ему ещё не приходилось носить. Плащ она застегнула ему на правом плече. – Здесь не принято нагружать себя лишним.

Хёгни подумал, как, должно быть, нелепо он выглядит в одном плаще, то и дело разъезжавшемся на правом боку, да ещё и с перевязью прямо на тело. При жизни ему случалось сбрасывать одежду во время состязаний, но ходить в таком виде постоянно? И уж конечно, он не принадлежал к числу тех одержимых, которые сражались нагими и брали вместо щита второй меч в левую руку, иначе бы он очутился здесь не в двадцать шесть лет, а намного раньше.

– Этот плащ согреет тебя лучше всей одежды Мидгарда, – заметила Хильда. – А если вывернуть его наизнанку, то станешь невидимым для живых.

Выпростав руку из плаща – тот оказался совсем коротким, не доходившим до колен – Хёгни вынул меч и принялся его рассматривать. Меч блестел, как хорошая сталь, но это не могла быть сталь – он был почти невесомый и с ребра казался тоньше волоса.

– Не вздумай пробовать пальцем, – предостерегла Хильда, – его затачивал сам Виланд.

Хёгни вложил меч назад в ножны, мягко скользнувшие по обнажённому бедру.

– А теперь что?

– А теперь иди.

– Куда?

– В Вальгаллу, конечно.

– Но я не знаю, куда идти.

– Тебе и не нужно знать. Вальгалла сама найдёт тебя.

В полном недоумении Хёгни повернулся и сделал несколько шагов. Полумрак вокруг сгустился, и вдруг он обнаружил, что он больше не в берлоге Хильды. Перед ним открывался просторный зал, размеров которого сразу было не разглядеть; золотистая полутьма заполняла его, как будто в нём были зажжены факелы – но огня нигде не светилось. Ни потолка, ни дверей видно не было. В сумраке мелькали какие-то фигуры, слышались смех, звон и пение. Кутаясь в плащ, Хёгни двинулся туда. Глаза его постепенно привыкали к слабому золотистому свету, и он вгляделся в то, что предстало перед ним.

Зал был полон воинов, молодых, красивых и сильных, похожих на отражение Хёгни в зеркале, но всё-таки разных – сидевших, стоявших и лежавших на полу, сплошь покрытом пушистыми шкурами неизвестных зверей. В стороне стоял длинный стол с двумя скамьями, но им почти никто не пользовался – пирующие утаскивали со стола блюда и ковши и располагались на полу. Крылатые валькирии бесшумно скользили между воинами, то и дело подавая им еду или питьё, до которых те не могли дотянуться, или присаживаясь рядом с ними поболтать. Все были нагие, в GRIDнице Одина было жарко, как у очага, и испарина сверкала на их телах. Посредине, на возвышении, похожем на барабан, плясала обнажённая валькирия с двумя мечами в руках, в сияющем шлеме, в стальных поножах; косы её развевались из-под шлема, расправленные крылья трепетали за плечами, и оба меча пели, рассекая воздух. У Хёгни перехватило дыхание. Где-то среди этого счастливого веселья был Сигурд – Сигурд, которого он не знал, как искать, не знал, что скажет ему, когда найдёт. Узнает ли он Сигурда при встрече? Да полно, может, Хильда пошутила над ним, и никакого Сигурда тут нет? Разве сюда пустят человека, убитого в собственной постели ударом в спину?

Хёгни слишком хорошо помнил, кто нанёс этот удар. Он стиснул кулаки, и глаза ему обожгли слёзы.

– Хёгни! Это ты? О боги!

Неужели ему послышалось? Он не слышал этого голоса уже больше двух лет, с тех пор, когда сам заставил его умолкнуть. Он торопливо вытер глаза краем плаща. Из глубины зала к нему шёл высокий стройный воин, бесцеремонно переступая через лежащих сотоварищей.

– Хёгни!

Это был Сигурд – такой, каким его запомнил Хёгни, невыносимо прекрасный, с улыбкой протягивавший руки к нему, Хёгни – после всего, что случилось тогда. Только вместо лохматой волчьей шкуры на его плечах лежал серебристый плащ, отброшенный за спину. Хёгни потупился.

– Ты говоришь так, как будто очень рад меня видеть.

Сигурд крепко взял его за плечи.

– А если это правда?

– Но то, что я с тобой сделал... – Хёгни не знал, куда деваться от стыда. Он совершил самое ужасное, что только может сделать воин во всех девяти мирах – и вот человек, с которым он так обошёлся, приветливо смотрит на него и пытается его обнять. Хёгни вырвался.

– Я же убил тебя, – задыхаясь, сказал он, – убил собственного названного брата, ударом в спину, вот этими руками...

– Это было давно и не здесь, – прервал его Сигурд, глядя ему в лицо своими васильковыми глазами.

– Но ты не знаешь всего! Я хотел забрать твоё золото...

– Ты не унёс его сюда. Здесь мы оба нагие, не всё ли равно?

– Ты... неужели ты меня прощаешь? – едва смог выговорить Хёгни. Голова у него кружилась. Сигурд прижал его к себе.

– Перестань. Сюда не приносят старые дразги. Мы будем пить из одного ковша.

Он повёл его по залу, обняв за плечи. Мучения, пробудившиеся внутри у Хёгни при виде Сигурда, стали утихать, отодвигаться куда-то в сторону. Он снова стал обращать внимание на то, что находилось вокруг него. Места в Вальгалле было достаточно, но Сигурд подвёл его почти к самой стене. На покрытый пушистым мехом пол был брошен меч Сигурда, рядом стояли блюдо и ковш. Сигурд сел, скрестив ноги.

– Устраивайся, – сказал он. – У нас ещё целая вечность.

Хёгни попытался присесть и чуть не упал. Было довольно глупо пытаться расположиться удобно, стягивая на себе руками плащ, под которым болтался меч на перевязи. Сигурд едва не задохнулся от хохота.

– Тебе не кажется, что разумнее это снять?

Хорошо ему, подумал Хёгни, смеяться над обычным человеком. Сигурд был более привычен к нагому – он и в Мидгарде часто появлялся нагим, похваляясь своей неуязвимостью. Вот только на спину он набрасывал волчью шкуру – ни к чему было знать посторонним про это его местечко между лопаток... А Хёгни узнал. Не стоило Сигурду ему доверяться...

Отгнав мрачные мысли, Хёгни попытался рассмеяться. С помощью Сигурда он избавился от плаща и перевязи с мечом. Сигурд кинул его снаряжение в сторону.

– Здесь на тебя никто не нападёт, – сказал он. – Давай выпьем. За то, что мы встретились. Скуль!

В ковше оказалось то же, чем поила его Хильда. Хёгни ощутил, как спало напряжение, вызванное встречей с Сигурдом. Волшебное тепло разливалось по его жилам; он поставил ковш и лёг, растянувшись на мягкой меховой подстилке.

– Вот это да! – воскликнул он, упав всем телом в мех и вытянув руки. Сигурд подмигнул ему.

– Удобно, а?

Хёгни начал соображать, что, пожалуй, одежда ему и в самом деле ни к чему.

– А эта еда настоящая или только видимость? – спросил он, понюхав блюдо с мясом. Сигурд фыркнул.

– Уморил! Видимость! Отличная свинина, ешь, не бойся.

– В Асгарде есть свиньи?

– Одна свинья. Очень большая и оживает всякий раз после того, как её режут. Однажды ей это надоело, и она сбежала в Утгард...

Сигурд усмехнулся, вспомнив, должно быть, как ловили беглую свинью.

– Так что ешь. Всё настоящее. После смерти мы не хвораем и боли не испытываем, но в еде нуждаемся. Хотя голодным тебе здесь ходить не придётся.

Хёгни понял, что ему в самом деле хочется есть, и потянулся к блюду. Было очень вкусно, и еда отличалась от земной только тем, что не пачкала рук. Хёгни впервые почувствовал, что здесь его настоящий дом. Он попал туда, где всю жизнь хотел оказаться. Конечно, он навоображал себе много глупостей о Вальгалле, но разве беда, что реальность не походила на его смехотворные мечтания? Если вдуматься, это было лучше всего, что он мог себе представить. И здесь был Сигурд. Сигурд, с которым он помирился и больше никогда не расстанется. Разве в самых запредельных мечтах он мог себе представить, что Сигурд простит его? Более того, сядет с ним есть?

– А тебе здесь хорошо? – спросил он Сигурда. Тот полулежал, опираясь на локоть.

– Лучше не может быть. Ведь со мной Брюн.

– Брюн? – Хёгни решил, что ослышался.

– Ну да. Её простили. Боги решили, что она может вернуться в Асгард.

– Это справедливо, – тихо сказал Хёгни. – Ведь ей столько пришлось перенести...

– Вон она, танцует на барабане.

Отсюда было лучше видно лицо пляшущей валькирии, и Хёгни понял, что это действительно была она. Брюн, за давнюю провинность перед богами превращённая в человека, Брюн, которой пришлось жить на земле среди людей, умереть и быть сожжённой – которая всем на беду полюбила Сигурда, погубив и его, и Хёгни – это была она. Снова бессмертная, снова крылатая, прощённая богами, она плясала на барабане, и блеск мечей в её руках слепил глаза.

– Все хотят, чтобы танец с мечами исполняла именно она, – улыбнулся Сигурд.

– Ты не ревнуешь? – удивился Хёгни.

– Здесь это ни к чему. Мне отдали её сами боги. Да и любовь здесь не такая, как в Мидгарде.

Брюн соскочила с барабана; грохот ковшей и восторженный рёв сотен голосов загрели под сводами Вальгаллы. Воины Одина приветствовали свою любимую танцовщицу.

Заправив за уши растрепавшиеся волосы, Брюн что-то сказала одному из них, и тотчас же ей передали ковш. Глотнув и переведя дух, она устремилась по залу в сторону Сигурда и Хёгни.

Со сложенными крыльями она подбежала к Сигурду.

– Ну как я в этот раз? – поинтересовалась она, наклонившись к нему. Хёгни против воли прикрыл лицо ладонью. Что она скажет, когда узнает его?

– Ты же знаешь, – сказал Сигурд, в голосе которого появилось смущение от собственной нежности. – Ты всегда лучше всех.

– А это кто с тобой? Кто-то новый? Я его тут раньше не видела.

– Хёгни, убери руки, – повернулся к нему Сигурд. – Не будешь же ты так и сидеть, закрывшись, как Тор в стране великанов?

Хёгни смотрел сквозь растопыренные пальцы на Брюн. Валькирия смеялась.

– Так это наш Хёгни! – воскликнула она. – Да опусти же руки, бесполезно притворяться.

Никто тебя не съест.

Хёгни сдался. Брюн с любопытством оглядела его.

- А кудрявые волосы тебе идут, – заключила она. – Так ты гораздо лучше.
Она не сердилась на него, совсем не сердилась – и Хёгни неожиданно для себя спросил:
– А почему Сигурд не изменился? Я уверен, что он такой же, как был...
– Ну, к Сигурду что-то прибавить невозможно, – ответила Брюн, распахнув одно крыло и погладив им Сигурда. Тот протянул руку и обнял её за талию.
– Опять похвалы, – укорил её он. – Всё так, но не в том смысле. Просто я никогда не принадлежал Мидгарду целиком. Во мне было что-то от Асгарда. Поэтому меня и приняли за бога, когда я впервые у вас появился. Я, конечно, не бог. Но я должен был быть здесь, а не в Мидгарде. Будь я только человеком, с такой позорной раной я бы сюда не попал.
– Ты не виноват, – горячо сказал Хёгни. – Ты не мог знать... Мы предали тебя.
Кто это – «мы»? Что за тревога расшевелилась где-то в закоулках памяти Хёгни?
– Это тоже учли, – кивнул Сигурд, снова вытянувшись на серебристых шкурах. – У богов на всё свои соображения.
– Свои соображения... – повторил Хёгни. Вдруг он вспомнил. Как он мог забыть!
– Гуннар! – вскрикнул он. – Где Гуннар?
Недобрая складка на миг заложилась на переносице Сигурда, но тут же разгладилась.
– Не ищи его, – просто ответил он, – его здесь нет и не будет.
– Но почему?!
Тут заговорила Брюн. Голос её звенел от напряжения – ей нелегко давались эти слова.
– Он виновен так же, как я, и гораздо больше тебя, Хёгни. Но он даже не смог искупить свою вину достойной смертью.
– Что с ним стало?
– Атли спустил его в яму со змеями.
– Его закусали змеи, – в ужасе произнёс Хёгни. – Он умирал от яда! Какое тут может быть достоинство?
– Ему следовало покончить с собой, – сказала Брюн. – Если бы у него осталась хоть капля чести или совести, он бы зубами перегрыз себе жилы. А он играл на арфе, думая утихомирить змей. Он всё ещё надеялся, что они отступят...
Хёгни уткнулся лицом в меховую подстилку и разрыдался.
Всё кончено, брата он больше не увидит, но кого в этом винить? Сигурда? Брюн? Себя самого? И смог бы он назвать Гуннара братом, если бы увидел его? Бесспорно, в решении богов была справедливость. Слишком отвратительно было то, к чему подтолкнул его Гуннар. Но легче от этого ему не становилось.
Рука Сигурда коснулась его затылка.
– Хёгни, – услышал он, – не надо. Я понимаю тебя. Но ты во всём запутался от горя. Ты не можешь себе простить того, что тебя простили – а его нет. Но это не твоя вина. Не весь ход девяти миров зависит от того, что мы делаем в Мидгарде.
– Нет, – возразила Брюн, прильнув к Сигурду, – зависит очень многое. Нужно только понимать, что именно зависит от нас.

Вы уже поняли, что весь предыдущий текст написан специалистом по западноевропейской литературе (взбесившимся, ехидно добавляют некоторые из вас). Вы догадываетесь, что он чрезмерно увлёкся «Эддой»; с вашей точки зрения, он зациклен на мысли о том, что случилось после того, как герои умерли. Вы пожимаете плечами – очередной сиквел на мифологическую тему, удовлетворение спроса на фэнтези.

Признаюсь, это так. Я занимаюсь литературой германских народов, главным образом эпохи Ренессанса. Тем не менее особое моё увлечение всегда составляла «Старшая Эдда». И меня действительно волновало, что стало потом с участниками событий. Почему неизвестный поэт не написал продолжения? Ведь в скандинавской мифологии смерть – вовсе не конец,

даже не переход в иное состояние, в который нам предлагают поверить христиане и буддисты. Смерть для викингов была простым перемещением в пространстве, из одного мира в другой, и их мёртвые воины из Вальгаллы совсем не бестелесны – они, по крайней мере, едят. О том, что произошло после того, как Сигурд и Брюнхильд положили на погребальный костёр, мог бы быть написан целый роман. На роман я не размахнулся. Попробую написать повесть.

Некоторые читатели упрекнут меня в том, что тема взята слишком идиллически – в нехватке конфликта, необходимого, на их взгляд, крепко сколоченному сюжету. Если, впрочем, кого-то интересуют батальные сцены со стуком мечей и развевающимися плащами, и он полагает, что основное содержание повести о баснословных временах должно составлять именно это – могу порекомендовать романы Карины Истоминой и Сильвандра Сушкова. На мою повесть лучше не тратить времени.

Впрочем, в ней найдётся несколько сцен сражений (с мечами, но, скорее всего, без плащей). Однако не ждите подробного рассказа о них – я сам о них мало знаю и вставил их лишь для соответствия духу жанра. В общем-то, меня больше интересовало совсем другое.

Дело в том, что всё, о чём я написал выше, я узнал от самого Сигурда.

Нет, я вовсе не претендую на то, что, мол, «и я там был и мёд я пил». Мёда-то мне как раз и не досталось. Кстати, что это за мёд имел в виду Александр Сергеевич? Неужели ему всё-таки перепал глоток? Возможно, ведь это было ещё до того, как Один окончательно разочаровался в современных людях. Но где это он был? Зелёное дерево и золотая цепь – поразительно похоже на храм в Уппсале; вздор, однако – храм был разрушен за семьсот лет до рождения поэта, а путешествовать во времени не умеют даже боги. Разве только в видениях, навеянных Одним?

Я-то встретился с ними не в видении. И у меня несколько дней держался синяк после того, как воин из дружины Одина – имени которого я теперь не упомяну – случайно угодил мне локтем в бок. (Между прочим, сквозь финский пуховик, и я смог сделать кое-какие выводы об их силе). В ту ночь многое было рассказано, и было о чём поразмыслить.

Не говорите, что я псих; если вам удобно считать это мистификацией, на здоровье. Ни с меня, ни с Сигурда, который мёртв уже две тысячи лет, от этого не убудет. Единственное оправдание существованию этого текста – то, что его не написал никто, кроме меня. А меня зовут Олег Мартышкин, и в существование человека с такой идиотской фамилией не поверить трудно. Итак, если вы не верите в Сигурда, это не имеет значения. Вам достаточно того, что я – автор, который решил это написать.

Сигурд ничуть не захмелел, но испытывал лёгкую сонливость после двух ковшей волшебного молока. И он был безмерно счастлив. Он лежал, зарывшись в уютный мягкий мех, между горячими телами любовницы и друга, прижавшимися к нему с двух сторон. Все недоумения между ними были кончены; они простили друг другу всё, и больше случиться уже ничего не могло. У них впереди была целая вечность.

– Я боялся смотреть на твою спину, – признался Хёгни. – Боялся, что увижу там шрам.

Плащ Сигурд снял, как большинство пирующих, но никаких следов ранения на его спине не было заметно. (Хёгни вначале ёрзал, отворачивался, потом не выдержал – сгрёб в горсть очень длинные волосы Сигурда и поднял их к самой шее, но всё равно ничего не разглядел). Тем лучше, подумал Сигурд. Теперь им с Хёгни придётся учиться забывать.

В отличие от Хёгни, Сигурду не понравилось купание в кипящем молоке, которое им устраивала Хильда. Оно пробудило в нём неприятные воспоминания о том дне, когда он окупался в кровь Фафнира – дне, с которого, если подумать, всё и началось. Если бы он не поддался на просьбу того, кто чуть не убил его в качестве благодарности, – не тронул дракона, а пошёл бы своей дорогой... кто знает?

Сердце Фафнира он съел случайно, так уж получилось. Кто знал, что достаточно лизнуть сок, капавший в огонь, чтобы услышать, что говорят птицы на липе? Птицы нашептали ему,

что, раз уж он попробовал драконье сердце, то надо доест, а потом избавиться от подстрекателя. Так Сигурд и поступил, но этим дело не кончилось. Две вороны посоветовали ему искупаться в крови дракона, пока она не ушла в землю.

– У тебя будет ещё много врагов, – рассудительно сказали они, – тебе не мешает стать неуязвимым.

Сигурду понравилась эта идея; он быстро скинул рубаху и штаны и влез в глубокую лужу крови, стоявшую вокруг убитого дракона. Кровь испарялась на глазах; ему пришлось лечь, чтобы окунуться с головой. Он чувствовал странное покалывание на коже – это не раздражало; занимало его больше то, как он будет отмывать с себя всё это (ближайший ручей был в самом глубоком месте по щиколотку). Но, к его изумлению, драконья кровь улетучивалась с его тела, не оставляя следов. Он выбрался из стремительно уменьшавшейся лужи и сел на землю. Вскоре на нём не осталось ни капли крови; он оглядел себя и убедился, что он сухой.

Сигурд встал и нагнулся, чтобы подобрать свою одежду, и тут почувствовал какую-то неловкость между лопатками. Что-то маленькое и липкое стягивало кожу на спине. Недолго думая, он завёл руку за спину и поскрёб ногтями это место. Что-то отлепилось и осталось у него в руке. Сигурд уставился на то, что держал.

Это был всего-навсего липовый листок.

Сигурд поднял голову вверх. Ну да, там была липа, огромная, старая липа с клейкими от тлей листьями. Но почему этому листку взбрело на ум свалиться именно сейчас и именно на спину Сигурда? Ведь он прилип плотно, а значит, кровь Фафнира под него не попала...

– Проверить тебя? – предложила ворона.

– Давай, – согласился Сигурд. Листок выпал из его пальцев и, кружась, полетел на землю.

Ворона тщательно прицелилась и клюнула Сигурда в лоб. Он не ощутил ничего, а вот ворона ойкнула и кувырком отлетела в сторону.

– Кар-раул! Нос чуть не сломала! Отличный результат!

– Ты в спину клюнь, – обеспокоенно сказал Сигурд. – Там, где был листок...

– А где он был?

– Узнаем.

После того, как ворона несколько раз потыкала клювом между лопаток Сигурда, там обнаружилось болезненное место. Было оно всего-то размером с липовый лист, но Сигурд догадывался, что на удар копыта этого хватит. Листок угодил как раз на то место, удар в которое был бы смертельным.

– А внешне как это выглядит? – спросил он. Ворона задумалась.

– Как будто розовее, чем всё остальное... Но это надо долго рассматривать.

– Надеюсь, что никто не рассмотрит, – упавшим голосом проговорил Сигурд и принялся одеваться.

Случайность, проклятая случайность, которая привела к таким последствиям! Или же случайности не бывает, и боги всё предусмотрели?

Будь он весь неуязвимым, разве он мог бы попасть в Вальгаллу? Ведь погибнуть в бою ему бы не довелось. Как бы он умер? Слепым столетним стариком, выжившим из ума? Или сгорел бы от оспы? Неужели боги решили дать ему шанс? И чья рука бросила этот листок? Но где-то закралась ошибка в расчёты богов, или, может, забыли они, какую власть на земле имеют ревность и золото... К счастью, богам оказалось по силам всё исправить – Один его отспорил.

Старая одежда Сигурда была вся изорвана в схватке с драконом, и на золото, найденное в норе, он купил себе новый наряд, достойный знатного воина. Шлем и кольчугу он бросил там, где убил дракона. Доспехи ему не требовались.

Даже Гуннар и Хёгни поначалу не верили в его неуязвимость, уже после того, как он прожил в Южных Землях полгода и вышел невредимым из нескольких сражений. Они заявили ему:

– Слыхали мы эти сказки. У тебя под рубашкой кольчуга, и только. Может быть, выкованная гномами – в это мы поверим, но не в то, что тебя нельзя ранить.

– Ах так, – сказал Сигурд и мгновенно разделся донага. Братья не сдавались.

– Ну и что, – сказал Хёгни, – допустим, тебе повезло несколько раз, и ты спятил от радости. Вот увидишь, тебя ещё отделают.

А Гуннар засмеялся:

– Даю все свои серебряные браслеты, что против гуннов ты в таком виде не выйдешь.

– Ну их, твои браслеты, – зло ответил Сигурд. Не мог же он признаться, что серебро Гуннара не стоило и одной десятой его золота. Это потом он проговорится... Но стоило ли ему тогда поддаваться на подначки?

– Клянусь Одним, выйду.

– Да ты совсем рехнулся! – воскликнул Хёгни. – Ещё и Одним клянётся! Ты же не берсерк, это они от своего зелья дуреют, их рубят в кашу, а им нипочём... Так всё равно их потом от травы отскребают по частям!

– Я и не знал, что у нас принято трусить, – холодно ответил Сигурд. Хёгни перекошило.

– Храбрость – хорошая штука, но то, что ты придумал – не храбрость, а дурь чистой воды.

И всё-таки Сигурд не отказался от клятвы. Он знал, в чём клянётся. Наутро гунны с удивлением увидели среди приближавшихся саксов и фризов в шлемах и кольчугах воина, одетого лишь солнечным светом. И это не был один из безумных берсерков, которые, хотя и страшат своей одержимостью, но не различают своих и чужих и крошат всех подряд. Он был в здравом уме и открыто насмеялся над ними.

– Эй, гунны! – крикнул он, помахивая мечом. – Попробуйте достать до сердца Сигурда Вэльсунга!

Предводителя гуннов взбесила эта выходка.

– Что вы смотрите? – завопил он. – Оставьте от него мокрое место!

Косоглазый гунн с чёрной косицей на затылке размахнулся копьём, метя Сигурду в пупок. Наконечник копья сломался, а Сигурд не почувствовал даже ушиба. Гунн не успел удивиться. Он свалился с седла, проколотый насквозь мечом Сигурда.

Возгласы изумления послышались с обеих сторон. А Сигурд уже нёсся напролом в толпу гуннов, не обращая внимания на сабли и копья. Его меч врубался в их тела, и скоро Сигурд с головы до ног был покрыт кровью – но только не своей. А какие одежды могут быть лучше для воина?

Гунны растерялись, и северяне воспользовались этим. В тот день они понесли совсем мало потерь; гунны вынуждены были спасаться бегством. Случилось неслыханное дело: пешие смяли конных. Молва о чудесном даре Сигурда быстро разлетелась по окрестным землям. Тем не менее Сигурд понимал, что доля безумия в том, что он выкинул, была. А если бы они догадались, если бы ткнули ему копьём в спину? Он не мог себе позволить так рисковать. Перед ним встал сложный вопрос. Если в следующий раз он откажется повторить то, что сделал, его соратники заподозрят неладное. Либо его сочтут трусом, либо поймут, что его неуязвимость не совершенна. Нет, он повторит то же самое, но спину чем-нибудь прикроет. Вот только чем? Оставь он на себе плащ, это вызовет вопросы, если не насмешки.

Сигурд нашёл выход. Как раз незадолго до похода против гуннов они с Хёгни охотились и добыли огромного волка. Шкура этого волка сушилась теперь во дворе у Хёгни и вполне подходила для устрашения гуннов. Сигурд велел выделат её, как есть, с головой и лапами, и превратил её в своё боевое облачение. Обнажённый Сигурд с волчьей шкурой на плечах наводил такой ужас на противников, что через несколько месяцев гунны заключили мир с северным народом. К немалой радости Сигурда, поскольку наступила зима, а от холода кровь Фафнира не спасала.

Так Сигурд стал единственным в мире человеком, который подставлял врагу грудь не из смелости, а из страха.

Предвижу реакцию читателя. У автора не хватило фантазии, скажете вы; автор не сумел ничего придумать и просто пересказал отрывок из «Эдды» на манер современного романа, к тому же километрами цитируя книгу Кристиана Шатцера «Метафоры наготы и неуязвимости». Автор извлёк оттуда всё, что касалось древних германцев, и попросту вставил в свой роман; к тому же, заметят отдельные читатели, текст выдаёт знакомство автора с рисунками Кирилла Берсенева по мотивам «Кольца Нибелунгов». Я, правда, не вижу в этом ничего предосудительного, поскольку Берсенов замечательный художник (нелюбовь к нему, тщательно культивируемая полу-интеллектуалами, совершенно безосновательна). Впрочем, графическая серия о Нибелунгах – пожалуй, его худшее творение. Персонажи застыли в позах скульптур Веры Мухиной, и вид у них до крайности слащавый, а тот Сигурд, которого он нарисовал, хотя и в самом деле прикрыт только волчьей шкурой, завязанной на плечах, не имеет ничего общего с настоящим Сигурдом. Видел ли Берсенов Сигурда, не знаю. Очень может быть, что видел, но попытался приукрасить его в меру своих представлений о том, как должен выглядеть герой. Ручаюсь вам, что Сигурд в приукрашивании не нуждается.

Если бы я задался целью написать роман о Сигурде, я бы собрал все наиболее красочные штампы и слепил из них удобоваримый сюжет. Но Сигурд рассказал мне только то, что хотел рассказать сам. Стал бы я иначе уделять столько внимания причинам, по которым Сигурд сделался неуязвимым, и обстоятельствам, при которых он это свойство утратил?

– Ты мне больше нравишься таким, – сказала Брюн и поцеловала Сигурда в плечо. Её крылья накрывали их обоих.

– Каким? Хёгни говорит, что я не изменился.

– Изменился. Ты перестал быть неуязвимым.

– Какое это имеет значение, если я всё равно воскресаю после каждой битвы?

– Вместе со всеми. У тебя больше нет преимуществ перед другими. Нет превосходства.

Ты – равный среди равных.

– Это закон богов? – улыбнулся Сигурд и притянул её к себе.

– Это закон совести.

В Вальгалле не считали ночи и дни; никто не знал, сколько времени проходит между отдыхом и сражением. Спали они, когда одолевал сон, там же, на полу, вповалку, не снимая сапог. Сверху ничем не укрывались, вместо подушки им служили собственные руки или подвернувшийся сонный товарищ. Сборы в поход занимали мгновение – им требовалось лишь пристегнуть меч и накинуть плащ. В глубокой древности мёртвые воины служили не более чем забавой богам, которые делили их на враждующие стороны и стравливали между собой. Но этого обычая уже не существовало. Дружина Одина охраняла границы миров от непрошенных вторжений. Бесшумные, готовые по первому сигналу броситься в атаку, они неслись верхом на серебристых волках, и впереди них летел сам Один на восьминогом коне Слейпнире – коне, который питался мясом и был быстрее мысли. Иногда они натывались на великанов, троллей или иных древних чудищ, прорвавшихся в чужой мир с той стороны, с сумеречных окраин, и начиналась битва. Их мечи рассекали врага без усилий, а сами они не чувствовали боли. В первом же сражении Хёгни был убит. Он не очень удивился, когда снова попал к Хильде и она опять вылила на него котёл кипящего молока. Скорее, он обрадовался. Впервые он, не кривя душой, мог сказать, что ничего не боится.

Они бывали и в Мидгарде, но лишь по ночам. В лунные ночи они, растянувшись в цепочку, летели над землёй, и лапы волков задевали облака. Иногда Один из предосторожности приказывал завернуться в плащи, делавшие их невидимыми, но чаще всего их и так никто

не видел. Никто, кроме случайных путников, которые будут потом рассказывать, как в поднебесье промчалась Дикая Охота.

Хёгни гнал своего волка вперёд, стиснув его коленями. Его волосы и плащ развевались по ветру; стояла ясная морозная ночь, но он не чувствовал холода – его согревал лунный свет, как солнечный свет согревает живых. Луна сияла в вышине, бросая серебряные отсветы на лица летящих воинов. Вот Сигурд – он далеко обогнал его и шёл почти вровень с Одином. Великий бог что-то дружелюбно сказал Сигурду, обернулся и сделал дружине знак спускаться.

Верхушки елей и сосен были черны, как сама ночь, и только снег на ветвях сверкал белизной. Лунные лучи падали в прогалины между деревьев, синеватые сугробы мерцали и искрились, как драгоценные камни. Дикая Охота приземлилась, всадники спешили. Хёгни думал, что он тут же и провалится в снег по пояс, но этого не произошло. Его ноги, обутые в серебрястые сапожки, даже не примяли рыхлой пелены. Он дёрнул хвойную ветку, и снег осыпал его голову сияющей пылью. Другие воины тоже стояли на снегу, поглаживая притихших волков и во все глаза глядя на зимний лес. Они не часто задерживались в мире, откуда пришли, и всякий раз в них просыпалось жадное восхищение. Было хорошо очутиться в этом мире бессмертным, неутомимым, нечувствительным к боли и холоду; не боясь больше страданий Мидгарда, они упивались его чарами – потому что в Мидгарде есть свои чары, недоступные другим мирам.

Один тоже соскочил с восьминоного коня и легко ступил на заснеженную прогалину. Он был одет так же, как и его дружина – в один только плащ, наброшенный на мускулистое голое тело, но не серебристый, а ярко-синий. Спутанные на ветру седые кудри падали на плечи, единственный глаз блестел при луне – правая пустая глазница темнела глубоким провалом. Он поднёс к губам окованный серебром рог на цепочке и протрубил. Звук рога далеко разлетелся в звонкой ночи; с деревьев посыпалась морозная пыль.

– Слушайте, – сказал Один, когда взгляды воинов обратились на него. – Это как раз та ночь, одна из девяти тысяч ночей. Рататоск спустилась в Мидгард.

Хёгни осторожно приблизился, чтобы лучше слышать. Другие последовали его примеру и стянулись в кольцо вокруг Одина. Великий бог продолжал:

– Белка Рататоск появляется в Мидгарде только тогда, когда должна сделать пророчество. Я хочу услышать пророчество Рататоск. Она где-то здесь, в этом лесу. Кто позовет её?

– Но почему ты не можешь позвать её сам, великий Один? – спросил Бьёрн Лунатик, стоявший ближе всех к нему. Один покачал головой.

– Её может позвать только человек или тот, кто был человеком. В Мидгарде она не говорит для богов.

Хёгни выступил вперёд, отбросив с плеч плащ. Его серебристые глаза горели, как снежные искры.

– Я позову её, – сказал он. Один одобритительно кивнул. Хёгни сложил ладони у рта и прокричал:

– Рататоск! Рататоск! Рататоск!

Эхо гулко разнеслось по всему лесу, в воздухе задрожал тонкий льдистый звон. С еле слышным царапаньем по сосне соскользнула большая, как кот, белка, вся снежно-белая до кончиков ушей, с чёрными глазами.

– Здравствуй, Хёгни, сын Гьюки, – насмешливо сказала она, взмахнув пушистым хвостом. – Ты звал меня?

Хёгни протянул ей руку, и она взобралась на его предплечье.

– Говори, Рататоск, – с волнением сказал он. Белка впилась коготками в его руку и захотала.

– Что же хочет от меня услышать тот, кто давно мёртв?

– Твой пророчество, – сказал Хёгни. Дружина вокруг смотрела, не шевелясь. Сам великий Один замер, держа руку на холке коня и повернув лицо зрячей стороной к Хёгни.

– Рататоск не делает приятных пророчеств, – возразила белка. – Обратись к вёльвам.
– Что может уязвить того, кто давно мёртв? – ответил Хёгни. – Чего страшиться воину из Вальгаллы?

– Много чего, – оборвала Рататоск, раскачиваясь на его руке. Хёгни начал терять терпение.

– Скажи то, ради чего ты послана в Мидгард. Не больше и не меньше.

– Сказать не трудно, – белка пошевелила усиками. – Скоро, очень скоро ворота Вальгаллы закроются для Мидгарда навсегда. Ни один новый воин не придёт больше в дружину Одина.

– Что ты имеешь в виду? – вздрогнул Хёгни. На миг ему показалось, что мороз обжёт его кожу, как если бы он был живым.

– Что слышал! – бросила белка, скатившись с него кубарем. Она подскочила к сосне и исчезла среди тёмных ветвей.

Воины Дикой Охоты в замешательстве переглядывались. Никто не решался сказать ни слова. Один опустил седую растрёпанную голову.

– Вот как... – глухо произнёс он. И тут позади них раздался пронзительный, тоскливый вой. Это выл Витвульф, волк, на котором ездил Хёгни.

Другие волки подхватили его плач и жалобно заскулили. Хёгни бросился к Витвулфу. Опустившись на колени в снег, он обнял волка за мохнатую шею и прижался к нему щекой.

– Витвульф, не надо, – зашептал он, – ничего не случилось. Ничего, ничего...

– Поехали, – недовольно сказал Один, влезая на Слейпнира. Дружина рассаживалась по волкам. Хёгни успокаивающе потрепал Витвульфа по спине и вскочил на него. Дикая Охота взмыла над землёй.

Здесь читатель возмущённо заметит, что подобной сцены в «Эдде» не было. Что же, считайте, что автор наконец начал проявлять художественное воображение. Хотя сомневаюсь, что оно у меня есть. Ведь Один так и не разрешил мне попробовать Мёд Поэзии.

Не буду врать, что я видел этот эпизод своими глазами. Но я видел нечто очень похожее, имевшее место тысячу лет спустя; и в моём распоряжении был рассказ Хёгни о той ночи. Хёгни и сейчас многое отдал бы за то, чтобы услышать пророчество Рататоск, но лет триста назад вредная белка перестала пророчествовать. Дикая Охота гоняется за нею впустую. Вместо пророчеств она выдаёт им такое, от чего даже у мёртвого викинга увянут уши.

Итак, скажет читатель, вы, уважаемый господин Мартышкин, по-прежнему хотите нас убедить, что встречались лично с Одним, Сигурдом и другими героями «Эдды»? Да ничего я не хочу, отвяжитесь. Рассматривайте это как ещё один художественный приём.

Уж мне ли не знать, что такое художественный приём! Однако «Старшая Эдда» и меня поставила в тупик. Я был зачарован, когда впервые прочёл её. Даже на русском языке она выглядит впечатляюще, не говоря уже об оригинале. Поэзия, каким-то чудом появившаяся в эпоху варваров, поэзия, подобной которой не появится в течение целой тысячи лет – подобной сложности и изысканности литература сможет вновь достигнуть только в эпоху позднего символизма. А эта удивительная звукопись, с которой ни в какое сравнение не идут вялые искусственные аллитерации поэтов XX века! При произнесении язык ударяет по каждому согласному, словно преодолевая препятствие, всё дышит усилием, напряжением, всё туго сплетено и физически ощутимо. А строки про «цаплю забвения» в «Речах Высокого»! Образец поэзии почти шекспировской мощи – сразу и не поймёшь, что эти энергичные и причудливо вытканые стихи призваны описать состояние... пьяного викинга.

Вы поняли, к чему я клоню? Эта поэзия вынырнула из неизвестных глубин древности у германских племён и бесследно исчезла к рубежу тысячелетий, с распадом эпического язычества. Лишь на самом севере она продержалась ещё два-три века, превратившись в забаву

книжников и позднее прекратив существование. А теперь скажите мне: вы представляете себе её создателей?

Справка. Спали они в одном помещении с коровами и овцами, простынями не пользовались, на досуге ловили друг у друга блох, а такая эзотерическая вещь, как пижама, была вовсе недоступна их пониманию. Одевались главным образом в вонючие овчины и толстый войлок, и всё это вместо пуговиц скреплялось ремешками и устрашающего размера булавками – и, разумеется, не стиралось, потому что в те времена стирали только нижнее бельё, а оно не у всех племён имелось (не знаю, стоит ли доверять Тациту в смысле того, что в южных регионах германцы ходили голыми). А ещё они ели руками, которые вытирали прямо о себя, пили из громадных ковшей отчаянную бурду и запросто могли шарахнуть этой посудиною сотрапезника по голове, если, по их мнению, тот сказал что-то обидное. При этом они обожали рукопашный бой и крошили врагов секирами и мечами, а если уж одерживали победу, то отнюдь не руководствовались рыцарским кодексом в отношении побеждённых. Один из конунгов, по имени Альвар, получил прозвище «Детолубивый». Вам интересно знать, за что? Он запретил своим головорезам при взятии города сбрасывать детей на копья (вероятно, они сочли его скучным человеком). В Скандинавии кое-кто перед боем доводил себя до полного одурения, принимая зелье из мухоморов, а любимым развлечением там было взять живого пленного и вскрыть ему грудную клетку, одновременно наблюдая за его поведением. Тому, кто волей-неволей оказался в такой ситуации, полагалось громко смеяться. Кроме того, они совершали человеческие жертвоприношения, а лучшим способом разрешить конфликт с соседями считали поджог соседского дома.

Короче говоря, современный человек не счёл бы их ничем иным, как грязными, грубыми и чудовищно бесчувственными варварами. Но как совместить с этим факт существования их поэзии? Как могла она возникнуть в столь неподходящей среде? Проще допустить, что цирковой медведь способен заговорить по-латыни.

Читатель глотает наживку. Он думает, что автор захочет изложить очередную льстящую самолюбию современного человека версию. Он ждёт измышлений о том, что поэзия скальдов создана пришельцами из будущего; или что она – до последней строчки подделка и написана в XVIII веке Макферсоном; или же, что события «Старшей Эдды» на самом деле имели место в Древней Греции, которая, однако, была вовсе не древней, а существовала в эпоху Ренессанса. Разочарую читателя. Я нисколько не сомневаюсь во времени и месте создания этой поэзии. Её могла сотворить только искренняя вера во всё, что там описано.

Происхождение поэзии тоже описано в «Эдде». «Эдда», таким образом, в какой-то степени описывает сама себя. Она сообщает, что поэзию дал людям Один. И это похоже на правду.

Появление этой поэзии объяснимо, если поверить её создателям – в то, что Один существует. Неземная красота скальдических и эпических стихов – доказательство его существования. Не смейтесь. Для христианина реален Христос, для индуса – Шива, и никто над ними не смеётся, даже если не согласен с ними. А чем гегелевский Абсолютный Дух лучше Одина? Мифологема, придуманная в тот век, когда люди соревновались в просвещённости и изяществе манер, крахмалили воротнички и осваивали фотографию и электричество, – столь же неправдоподобная, как древние боги, но куда менее симпатичная. Если Один сейчас никому не показывается, то главным образом потому, что в него не верят.

Не делайте понимающую кислую гримасу. Прощаете же вы вашей любимой девушке веру в гороскопы, диеты и групповые тренинги – хотя всё это явно не относится к высшим проявлениям разумности. Да вы и сами, читатель – вы во что-нибудь верите, и мне остаётся только угадать, во что. В мировой разум? В библиотеку Ивана Грозного? В поддельность «Слова о полку Игореве»? В затонувшие древние цивилизации? В психоанализ, в особый путь России или вред трансгенной сои? Только не надо махать у меня перед носом бумажным флагом с надписью «давно доказано наукой». Много ли вы имели дела с наукой? Может быть, вы штуди-

ровали десятки томов летописей, вели дневники наблюдений за шизофрениками или скармливали сотням мышей образцы соевого сыра? Вы верите потому, что вам это нравится и потому, что это регулярно повторяют в газетах. Ну, а мне нравится верить в то, что поэзия – подарок Одина. И если бы об этом напечатали в какой-нибудь цветной толстой газете с миллионным тиражом, вы бы не только верили в это, но и коллективно отлупили бы первого попавшегося под руку члена общества «Здравый смысл».

Итак, я всё больше и больше укреплялся в уверенности, что история про Мёд Поэзии – не выдумка и не метафора. Эту поэзию древние германцы получили из рук самого Одина. Парадокс, заметит внимательный читатель. Утончённость художественных приёмов в «Эдде» приводит к выводу, что легенда об Одине – вовсе не художественный приём.

Сигурд лежал, глядя на дно опустевшего ковша и раздумывая, стоит ли ещё выпить. Он не понимал смысла того, что сказала ехидная белка, но от этого непонимания делалось ещё больше не по себе. К счастью, похмелья волшебное молоко не давало, но Сигурд уже и так перебрал. Раньше с ним этого никогда не случалось.

Он поднял голову, бросил взгляд в сторону стола и увидел тяжеловесную волосатую фигуру Одина, так выделявшегося среди них. Великий бог сидел на лавке, облокотясь на стол, синий плащ, брошенный на скамью, свисал на пол. Если кому-то было хуже всех, то Одину – Сигурд ясно это понял. Он встал и, пошатываясь, двинулся к предводителю Дикой Охоты.

Сигурд оказался пьянее, чем он думал. Егохватило только на то, чтобы добрести до стола и сесть на пол у ног Одина. Лишь с третьей попытки ему удалось отбросить назад свисавшие на глаза волосы. Что сказать, он никак не мог придумать. Он сидел на полу, как печальная пьяная собака, пытающаяся утешить хозяина. Взгляд его упирался в застёгнутые крест-накрест ремни обуви на ногах Одина, которые съезжались и расплывались у него перед глазами. Сигурд потряс головой, пытаясь привести себя в порядок.

Один заметил его присутствие.

– В чём дело, Сигурд? – ласково спросил он, протянув руку и взъерошив ему волосы.

– Это я тебя хотел спросить, в чём дело, – усилием стряхнув с себя хмель, выговорил Сигурд. – Это всё из-за пророчества Рагатоск?

– Да ты, я вижу, здорово того... – протянул Один, критически оглядев его. – Ты понял, что она сказала?

– Н-нет, – выдавил Сигурд и икнул. – Она сказала, что у тебя больше не будет новых воинов. Почему?

– А ты ничего не замечаешь? – сказал Один и нагнулся к нему. – Их действительно всё меньше и меньше. Я обратил внимание давно, ещё до того, как она сказала...

– Почему? В Мидгарде не перестают воевать.

– Да, но... Мне рассказал кое-что Олав Чёрный, ты знаешь – из тех, что прибыли к нам недавно. Люди очень переменялись, Сигурд.

Один снова облокотился на стол. Преодолевая головокружение, Сигурд обвёл его взглядом.

– Так что же?

– Смелость ценят всё меньше и меньше. Вальгалла перестала быть наградой. Но это не главное. В нас больше не верят, Сигурд.

Сигурд не знал, что сказать. Один потёр рукой лоб и застонал.

– Я должен был это понять. Три тысячи лет я вёл себя беспечно, думал, что так будет всегда. Но Мидгард подвластен времени, а время меняется.

– Это конец света? – спросил Сигурд, чувствуя, что задаёт глупый вопрос, но почему глупый, он не знал. Великий бог покачал головой.

– Не похоже это на конец света.

Его синий глаз – совершенно трезвый – пристально глядел в сторону Сигурда.

– Теперь, когда ты знаешь, что ты мой сын, я могу тебе довериться?

– Конечно, – прошептал Сигурд, прижавшись к его колену. Один понизил голос:

– У меня есть кое-какие догадки. Что, если прорицание вэльвы не сбудется? Если час последней битвы никогда не наступит? Мир кончится, но не так, как мы ожидали. Просто истлеет от времени и рассыплется в пыль, а мы даже этого не заметим.

– А золотые фишки, разбросанные в траве? – вспомнил Сигурд. – О которых говорится в песне? Кто их подберёт?

Один грустно усмехнулся.

– Боюсь, их забросили слишком далеко.

Он приподнял голову Сигурда за подбородок.

– Не говори им, слышишь? Им не стоит про это знать.

– Клянусь, – тихо сказал Сигурд. Он смотрел снизу вверх на Одина, неподвижно застывшего на скамье. Только сейчас Сигурд увидел, как он стар. Неважно, что у Одина было сложение крепкого сорокалетнего воина. Он был совсем седой; ни на голове, ни на теле у него не осталось ни одного русого волоса – нечёсанные кудри были стального цвета, и тускло-серая шерсть на груди, как у дряхлого волка. Всё лицо его изрезали глубокие морщины, ни следа румянца не было на этом лице, состарившемся много веков назад. Из угла воспалённой пустой глазницы стекала дорожка мутных слёз. Безмерная усталость была во всей его фигуре, свинцовая, тысячелетняя усталость бессмертного существа, которое слишком привыкло к смертному миру. Рушилась связь между девятью мирами, казавшаяся непоколебимой, а он – он бессилён был что-то сделать и сидел здесь, прислонившись к дубовому столу, старый, потный, одноглазый и готовый заплакать. А Сигурд, единственный из дружины, связанный с ним кровным родством, ничем не мог ему помочь, потому что был пьян и потому что не был богом.

Сигурд рывком поднялся на ноги, и оказалось, что его совершенно развезло. Вместо того, чтобы обнять Одина, как он намеревался, он ухватился за него, чтобы не грохнуться на пол.

– Н-не мучайся, – заплетающимся языком пробормотал Сигурд, – обещаю, что я всегда буду с тобой, я т-тебя не оставлю...

Лицо Одина на миг просветлело.

– Ох уж эта молодёжь, – проворчал он, – пить не умеет... Иди, малыш, отлежись.

Сигурд потащился в сторону и, окончательно израсходовав запас сил, рухнул на расстеленные шкуры.

– Готовенький, – услышал он над собой звонкий насмешливый голос. – Хёгни, это и есть твой побратим?

Приоткрыв глаза, Сигурд увидел стоявшую рядом валькирию. Не Брюн, нет – другую. Она была ростом меньше Брюн, полнее и смуглее её, сложенный колечком рот открывал два белых зуба. Туго заплетённые косы спускались почти до колен. Тут Сигурд сообразил, что это Труди, одна из разносивших молоко. Кажется, он несколько раз видел её с Хёгни. Самого Хёгни он разглядеть не мог. Где-то возле его носа маячил серебристый сапог, какие носили все воины Вальгаллы – по-видимому, он и принадлежал Хёгни.

– Первый раз вижу, чтобы молоком так надирались, – сказала Труди и звучно шлёпнула Сигурда по голой спине. Ему показалось, что внутри у него загудела расстроенная арфа. Он испустил придушенный стон.

– Да помоги же мне, не видишь, ему плохо, – отозвался Хёгни. Труди возразила:

– Глупости. От молока козы Хейдрунн не блюют.

Вдвоём они перевернули Сигурда и привели его в сидячее положение. Хёгни подставил своё плечо в качестве опоры. Сигурд посмотрел ему в лицо мутным взглядом.

– Н-не надо меня трогать. Со мной всё в порядке.

Хёгни захотелось надавать ему как следует по щекам, чтобы прочухался. Будь это не Сигурд, а кто-нибудь другой, он бы и надавал. Но он не мог себе позволить применить это к Сигурду и сказал, поддерживая его правой рукой:

– Это ты называешь всё в порядке? Думаешь, я не вижу? Ты напился потому, что тебе погано, а погано тебе из-за того, что брякнула Рататоск. О чём ты шептался с Одним?

Сигурд молча помотал головой – он не собирался нарушать обещание, даже пьяное. Труди ушибнула его и тут же была дёрнута за косу рукой Хёгни.

– Ишь чего, – процедил Хёгни и прибавил ей тычка в бок. – Перепутала малость? Чувствую, не следовало мне вызывать эту белку.

– Тебя Один попросил, – напомнил Сигурд. Мысли в его голове слипались, как снежные комья, но предметы перед глазами перестали расплываться и заняли более или менее нормальное положение. Хёгни опустил голову.

– Зачем ему это было надо? Вот и сам теперь не знает, куда деться... Она ведь предупредила, что не скажет ничего хорошего.

– Ты тоже понял, что она сказала?

– Дураком меня считаешь, Сигурд? Она сказала, что люди из Мидгарда больше никогда не попадут в Вальгаллу. Видно, Олав один из последних, кому повезло...

– Вообще-то вас и так достаточно много, – недовольно заявила Труди. – Куда уж больше? Возись тут с вами!

Подбежала Брюн, пританцовывая, сорвала с головы шлем и швырнула в угол. Увидев состояние Сигурда, она опешила.

– Что это с ним? Сколько он выпил?

– А я почём знаю, – отозвалась Труди, – ковшей тридцать, не меньше. Сама понимаешь, здесь возможности неограниченные...

Брюн опустилась на колени и обвила руками шею Сигурда. Хёгни понял, что Сигурд ничего ей не скажет, будет молчать – и решил, что надо рассказать ей о пророчестве.

– Вести неприятные, Брюн, – сказал он. – В этот раз, когда мы обходили дозором Мидгард, то застали там Рататоск.

– Она пророчествовала?

– Да, в том-то и дело. Одину захотелось услышать, что она скажет. Мне тоже было любопытно, и я вызвался спрашивать её. Она ведь не отвечает на вопросы богов, когда она в Мидгарде. Но мне она тоже не хотела поначалу отвечать, насмеялась. А потом сказала, что скоро путь в Вальгаллу из Мидгарда закроется навсегда.

Он с сомнением посмотрел на Брюн.

– Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Брюн, сидя на корточках и тихонько поглаживая по руке Сигурда. – Но это больший урон для Мидгарда, чем для нас, ведь так?

– Один хандрит, – сказал Хёгни, – у него ведь больше не будет новых воинов. Неизвестно, сколько их понадобится к Рагнарёку...

Сигурд чуть было не сказал, что Один вообще не уверен, наступит ли Рагнарёк, но вовремя спохватился и промолчал.

– Но ведь с теми, кто есть, ничего не случилось. И не случится.

– Брюн, – Сигурд, лежавший на плече Хёгни, поднял голову, – в нас больше не верят. Не верят, слышишь?

Валькирия отвела ему со лба слипшуюся прядь.

– Таковы уж люди Мидгарда, – пожалала она плечами, – они всё время во что-нибудь то верят, то не верят. Ты сам поверил в гостеприимство Гудрун и выпил зелье, которое она тебе подсунула; а я поверила, что ты мне изменил – я сама была тогда человеком.

– И что же теперь делать? – спросил Хёгни.

– Учиться заново. Привыкать.

– А мне всё равно, верят в нас или не верят, – встряла Труды. – Как ковши таскала, так и буду таскать. Пить же вам не расхочется от этого.

– Труды права, – сказала Брюн. – С нами ничего не случится. Просто надо с этим свыкнуться.

Хёгни бережно уложил Сигурда на пол, препоручив его Труды. Руки у него были теперь свободны, и он сжал золотоволосую голову в мучительных раздумьях. Он не привык к размышлениям, а в Вальгалле и вовсе забыл о них – он был весь соткан из ощущений, не отягощённых мыслью. Теперь ему было нужно думать, и это грозило ему головной болью. С тех пор, как он угодил в Вальгаллу, ему многое пришлось освоить – ведь вначале он не знал, как себя вести в мире богов. Не так уж сложно оказалось привыкнуть к новому телу (оно оказалось гораздо удобнее прежнего), выучиться летать на волке и обращаться с волшебным оружием. Он стал обитателем Асгарда. Теперь ему предстояло учиться жить во вселенной, в которой в Асгард не верили.

– Ну и дела! – произнёс неизвестно откуда объявившийся Этельберт Брусника. Он стоял над Сигурдом, глядя на него с высоты своего роста, и почёсывал подмышку. – Взять, что ль, и тоже напиток?

Читатель теряет терпение. Автор – невоспитанный тип, заявляет он; автор измывается над ним, читателем, нарушая все принятые правила поведения в жанре фэнтези. Брюнхильд он зовёт уменьшительным именем, Один у него выглядит крайне непрезентабельно, Сигурд падает пьяный на пол, а эпизоды, по смыслу явно лирические, сплошь пронизаны совершенно неуместным комизмом – что свидетельствует либо о неспособности автора выработать стиль, либо о решительном равнодушии к потребностям читателя.

Читатель убеждён, что лучше всех на свете знает, как должны себя вести герои читаемой повести, особенно если это повесть о древних временах, а герои взяты из мифологии. И надо сказать, большинство авторов с читателем не спорит. Они охотно выдают ожидаемый продукт. Взять хотя бы Карину Истомину – она прекрасно разбирается в предмете, о котором пишет, но так же хорошо она разбирается и во вкусах читателя. Её серия романов о Вуке-медведеборце – довольно удачная попытка соблюсти равновесие между реальностью и хорошим тоном, часто с креном в сторону хорошего тона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.